

Гу И раскаялся. Если бы он знал, чем всё обернётся, то вчера, даже цепляясь за него мёртвой хваткой, выпросил бы у него номер коммуникатора.

Потупив немного взгляд, коммуникатор мигнул, и Гу И машинально принял вызов.

— Главарь, Тан-гэ только что в сети, — торопливо произнёс Гу Юань.

Гу И мгновенно соскочил с дивана и направился в комнату, намереваясь войти в игру. Едва его рука коснулась шлема, он сообразил, что запас сил игрового персонажа исчерпан, и до завтрашнего дня о входе в игру нечего было и думать. Гу И тут же помрачнел всем сердцем.

— Передай Янь-чжи... — Гу И замолчал. — Нет, забудь. Спроси у него, не случилось ли у него чего за эти два дня, и зайдет ли он завтра в игру.

— Хорошо, я передам Тан-гэ. Главарь, ну ты и мешкаешь! Хочешь человека — так и скажи, к чему ломать комедию? — Гу Юань цокнул языком, изображая крайнюю степень разочарования.

У Гу И дёрнулась бровь, и он буквально выдавил сквозь зубы:

— Жить надоело?

Гу Юань вздрогнул и немедленно сбросил вызов.

Не заходя в игру два дня, стоило появиться в сети, как канал друзей зазвенел без умолку.

Тан Янь-чжи открывал сообщения по очереди и ответил Цинь Цин Цзы Цзинь двумя иероглифами: «Это я».

Затем шло сообщение от Лю Хо, который с беспокойством спрашивал, почему его не было в сети последние дни. Тан Янь-чжи просто объяснил: «Дома кое-какие дела».

Последним был Гу И. Этот малый настроил уже под несколько сотен сообщений, отправляя по штуке каждые несколько минут с вопросом, здесь ли он.

Тан Янь-чжи помедлил и ответил: «Здесь».

Стоило ему выйти из постоянного двора, как Ван прислал голосовой вызов.

— Тан-гэ, почему ты вчера не заходил? Главарь так боялся, что с тобой что-то случилось, чуть со страху не умер! — Ван без колебаний предал Гу И.

На сердце у Тан Янь-чжи потеплело:

— Вчера были кое-какие дела, не успел в игру.

— А завтра ты ведь зайдёшь?

— Разумеется, — ответил Тан Янь-чжи.

Услышав утвердительный ответ собеседника, Ван с облегчением вздохнул:

— Вот и отлично! Если бы ты завтра не появился, главарь бы опять раскапризничался, не дождавшись тебя.

В этих словах было столько двусмысленности, что Тан Янь-чжи было трудно притвориться, будто он ничего не понимает. Уголки его губ изогнулись, но на лице не было заметно ни тени улыбки:

— Тогда не сочти за труд передать ему, что завтра я жду его в сети.

Ван: «...Откуда вдруг взялось такое дурное предчувствие?»

Попрощавшись с остальными, он вскоре вышел из игры.

Эти два дня на космическом корабле прошли без нормального отдыха, и сейчас он держался на плаву исключительно за счет силы воли, не позволяя проявиться признакам усталости. В общем и целом, физическая форма этого тела была просто ужасна — в былые времена для него не составляло труда не спать по несколько дней и ночей подряд.

Отодвинув игровой шлем в сторону, он бросил взгляд на подарочную коробку. В дороге её было неудобно открывать, поэтому, достав уведомление о зачислении, он лишь бегло осмотрел остальное содержимое. Вещей внутри оказалось немного: несколько анонимных банковских карт, пожелтевшее бумажное письмо и чип памяти размером с ногтть.

Снова открыв коробку, Тан Янь-чжи пропустил письмо — это было послание от Тан Фэна и его жены, адресованное прежнему владельцу тела. Сам он прежним владельцем не являлся, и содержимое письма его не интересовало; к тому же конверт уже вскрывал Цинь Шу, так что, судя по всему, ничего слишком сокровенного там не упоминалось.

Подняв чип памяти, он вставил его в браслет, и в комнате мгновенно проецировалась голограмма семьи из трех человек.

В день рождения прежнего владельца Тан Фэн и его жена со слезами радости на глазах держали на руках младенца с разругавшимися щечками. Затем картинка сменилась: малышу уже три месяца, он хлопает в ладоши и непрерывно звонко смеется, глядя на мать. Тан Янь-чжи посмотрел на запечатленную на записи женщину с мягким нравом, и его взгляд слегка затуманился: судя по всему, внешность этому телу досталась именно от матери.

Выключив запись, Тан Янь-чжи задумался. Похоже, этот чип памяти не был тем самым, который Тан Фэн поручил хранить Цинь Шу. Мотивы Цинь Шу были ему понятны: до сих пор Цинь Шу так и не смог взломать пароль к тому чипу и получить содержащуюся в нем информацию, а значит, они совершенно не ведали, из-за чего именно была вырезана семья Тан Фэна. Если бы чип памяти отдали ему, это неминуло бы ввергло его в пучину смертельной опасности.

Вернув чип памяти с записями о семье Тан в коробку, он достал из чемодана одежду и стал собираться в душ, чтобы лечь спать.

Распахнув дверь комнаты, он увидел на диване в гостиной человека. Настроение у того, судя по всему, было отменным: уголки губ чуть приподняты, казалось, он готов улыбнуться в любой момент.

Если бы незадолго до этого он не видел его перекошенное от злобы лицо, то наверняка засомневался бы, не ошибся ли он адресом.

Заметив движение напротив, Гу И поднял голову и неторопливо бросил на него взгляд:

— Если соберёшься в душ, мои вещи в ванной не трогай. После того как помоешься, попроси распорядителя прибраться там, чтобы и волоска не осталось.

— Угу.

Тан Янь-чжи не стал с ним спорить. К тому же этот парень — хозяин дома, и хотя его мерзкий тон так и подмывал врезать ему как следует, нежелание терпеть посторонних на своей территории было вполне естественным. Тан Янь-чжи пока не хотел устраивать скандалов сразу по приходе в академию, так что решил временно стерпеть.

Узнав, что Тан Янь-чжи в сети, Гу И пришел в превосходное расположение духа и даже скрепя сердце смирился с присутствием в доме постороннего.

Под доносящийся из ванной мерный шум капель воды на него накатила волна сонливости, и, едва закрыв глаза, он заснул.

Выйдя из ванной после душа, Тан Янь-чжи увидел свернувшегося калачиком на диване молодого человека, который крепко спал. Вскинув брови, он молча повернулся и ушел к себе в

комнату.

Ночь прошла спокойно, проснувшись на следующий день, он обнаружил, что уже восемь часов утра.

С тех пор как он попал в этот мир, он еще ни разу не спал так долго, и в животе уже вовсю урчало.

Встав и умывшись, он вышел и увидел, что хозяин дома как раз завтракает за столом.

Его руки, сжимающие нож и вилку, были белыми, и даже обычный прием пищи выглядел настолько изящно, что невольно возникало обманчивое впечатление, будто пиршествует какой-то аристократ.

Тан Янь-чжи не привык к западным завтракам, поэтому позвал робота-дворецкого и велел ему приготовить миску лапши с вонтонами.

Покончив с завтраком каждый по отдельности, Тан Янь-чжи вернулся в комнату и, чувствуя себя немного бездельником, принялся листать на браслете электронную книгу.

Ближе к полудню зазвонил коммуникатор.

— Тан Янь, что у тебя стряслось, почему ты так внезапно уехал?! — встревоженно спросил Хань Чжи-синь. Опять не застанув парня в игре эти два дня, он никак не мог с ним связаться.

Его слова еще не затихли, как Хань Чжи-синь разглядел окружающую обстановку и пораженно выдохнул: — Ты что, в академии?!

Если его глаза не обманывали, это определенно было общежитие Китайской комплексной академии, и такой уникальный стиль оформления можно было встретить только там.

— Угу, пару дней назад со мной связался друг отца и помог подать документы. Как раз перед этим кое-что произошло, и я не успел тебя предупредить, — ответил Тан Янь-чжи.

— Ну раз всё в порядке, слава богу, — Хань Чжи-синь не стал вдаваться в подробности и радостно добавил: — Ты ведь тоже поступил в Китайскую комплексную академию? Как здорово, я ведь тоже подал документы сюда, со следующего месяца мы станем сокурсниками! Кстати, на каком ты факультете?

— Историко-археологический.

— А я на математическом, мы не на одном потоке, — с сожалением протянул Хань Чжи-синь.

В этот момент браслет Хань Чжи-синя мигнул. Взглянув на сообщение на экране, он невольно расплылся в улыбке и обратился к Тан Янь-чжи:

— Я в игру. Хочу познакомить тебя с одним приятелем, ты сейчас свободен?

— Ладно, спишемся позже, — ответил Тан Янь-чжи.

Завершив вызов, Тан Янь-чжи снова принялся за электронную книгу. Спустя какое-то время глаза заболели: электронные книги все же уступали бумажным, от долгого чтения зрение быстро перенапрягалось.

Потерев переносицу, он поднял из угла шлем, надел его и вошел в игру.

Едва он появился в сети, как на него черной тенью бросилась фигура. В тот самый момент, когда она коснулась земли, кинжал в левой руке Тан Янь-чжи уже уперся ей в горло.

Не только не испугавшись лезвия у самого горла, противник лучезарно улыбнулся и поприветствовал его:

— Янь-чжи, ты пришел.

Тан Янь-чжи убрал кинжал и холодно бросил:

— Встань.

Гу И потерелся о Тан Янь-чжи, словно огромный пес. В следующее мгновение, уловив исходившую от прижатого к земле человека опасную ауру, он замер и тут же получил тумаков...

Зная, что смерть в игре не настоящая, Тан Янь-чжи на этот раз не стал сдерживаться. Каждый его удар был нацелен на поражение: правая рука, сжавшись в кулак, с силой обрушилась на живот противника, да еще и с применением пятидесяти процентов внутренней энергии.

Гу И слегка нахмурился: хотя боли почти не чувствовалось, сам факт того, что его отвергли подобным образом, нанес его душе урон в десять тысяч очков.

Шкала здоровья стремительно покатила вниз. Плюнув на всё, Гу И крепко обнял Тан Янь-чжи, наглым и бесстыдным образом отказываясь отпустить:

— Бей сколько влезет, всё равно не отпущу!

Пережив события последних двух дней, Гу И окончательно всё для себя уяснил: раз уж он влюбился, то продолжать жаться и бояться сделать шаг вперед — совсем не в стиле второго молодого господина Гу. Если в один прекрасный день Янь-чжи и вовсе перестанет играть, где он его искать? Так что лучше взять инициативу в свои руки и добиться своего, только тогда он сможет спать спокойно.

Взглянув в глаза противника, Тан Янь-чжи искривил губы в насмешливой улыбке:

— Питаешь ко мне страсть?

Гу И улыбнулся ему в ответ и произнес со всей серьезностью:

— Да, ты мне нравишься.

— Мы знакомы всего несколько дней, а ты уже так легко говоришь о симпатии. Твои чувства поисково дешёвы.

В глазах Тан Янь-чжи отчетливо проступила едкая усмешка.

Гу И перехватил его запястье и в упор посмотрел на него глубоким взглядом:

— Янь-чжи, чувства — это не то, над чем человек властен. Впервые увидев тебя, я сразу влюбился. Быть может, тогда это было лишь сиюминутным порывом, но сейчас я могу заявить со всей определенностью: ты — единственный человек, о котором я не могу забыть.

Тан Янь-чжи стряхнул его руку и холодно бросил:

— Понятия не имею, скольким людям ты говорил подобные вещи. С чего ты взял, что я поверю?

Гу И опешил, а затем нервно рассмеялся:

— Ты у меня единственный, и эти слова я говорил только тебе одному. Если не веришь, можешь спросить Чи, Мэй, Ван и Ляо.

Заметив, что выражение лица Тан Янь-чжи немного смягчилось, Гу И подался вперед и легко коснулся его губ поцелуем, после чего прошептал прямо в них:

— Видишь? Даже мой первый поцелуй достался тебе.

На лбу Тан Янь-чжи вздулась вена:

— Наглец!

Вскинув Тысячу механизмов, он выпустил Стрелу сквозь сердце и отправила Гу И, у которого оставалось меньше десяти процентов здоровья, напрямик в точку возрождения.

Когда Гу И исчез, Тан Янь-чжи прикусил губу. Тот поцелуй был мимолетным, легким, но на губах словно до сих пор сохранялось обжигающее тепло чужого дыхания, никак не желая рассеиваться.

Давно-давно Вэнь Чжао обронил такие слова: «Янь-чжи, а ведь ты поистине бессердечен и холоден».

В те времена, когда он странствовал по миру рек и озер, у него тоже были знакомые женщины — одна краше другой, понятливые и чуткие, и каждая питала к нему нежные чувства. Однако он неизменно держал их на определенном расстоянии и ни к кому не вспылал страстью.

Позже, когда те женщины выходили замуж, он всегда отправлял им свадебные подарки.

Однажды у них с Вэнь Чжао случился размолвка. В тот период Вэнь Чжао целыми днями топил горе в вине, пребывая в полном помрачении рассудка. Пытаясь его вразумить, Тан Янь-чжи не сошлся с ним в паре фраз, и они сошлись в жестокой драке.

По окончании потасовки Вэнь Чжао и бросил ту фразу.

Теперь, вспоминая об этом, он понимал: возможно, уже тогда в сердце Вэнь Чжао затаилась обида.

Много позже он узнал, что Вэнь Чжао был по уши влюблен в ту девушку, а та яркая и лучезарная девица из-за его отказа горько плакала и вышла замуж за другого. Было вполне естественно, что Вэнь Чжао затаил на него злобу. Но Тан Янь-чжи и представить не мог, что ненависть Вэнь Чжао зайдет так далеко, что тот решит сжить его со свету. Выходит, он все же слишком слепо доверял их товарищеским узам.

Тан Янь-чжи вспомнил случайно услышанную когда-то фразу: «Дело сердечное — сколько ни закаляй тысячей молотов, все равно не минуешь тюрьмы страстей». Пожалуй, всё было именно так, как гласили легенды: это чувство неподвластно даже самому человеку, и Вэнь Чжао, должно быть, питал к той девушке поистине глубокую привязанность.

Погруженный в раздумья, он опомнился лишь тогда, когда звякнул личный чат.

[Личный] Цинь Цзы Цзинь: Идем в подземелье?

[Личный] Тан Янь-чжи: Угу.

[Личный] Цинь Цзы Цзинь: Тогда я собираю группу.

Используя легкие шаги, Тан Янь-чжи взмыл к Черной горе. Когда он добрался до входа в подземелье, Цинь Цзы Цзинь и две девушки-игрока уже поджидали его там.

Цинь Цзы Цзинь почесал затылок и смущенно произнес:

— Не хватает еще одного человека, я уже давно кричу в чат, но никто не идет.

— Четырех хватит, — бросил Тан Янь-чжи.

Цинь Цзы Цзинь скинул ему приглашение в группу и неуверенно переспросил:

— Четыре человека и впрямь смогут пройти? К тому же у нас в группе нет танка, кто станет агрить мобов?

— Если есть Тан Янь-чжи, проблем точно не будет, — вмешалась стоявшая рядом с Цинь Цзы Цзинем девушка-мечник в розовом. — Хватит мяться, запускай инст.

— Ну ладно, — Цинь Цзы Цзинь открыл подземелье.

Стоило им войти внутрь, как Тан Янь-чжи вскинул руку и выпустил ряд мини-арбалетов, привлекая внимание двух стражников у входа, которые с воплями бросились на них.

Остальные испуганно отшатнулись, но, увидев, что Тан Янь-чжи невозмутимо применяет навыки и отводит мобов в сторону, Цинь Цзы Цзинь покосился на девушку в розовом, которая с момента входа в подземелье смотрела исключительно на Тан Янь-чжи, стиснул зубы и бросился с мечом на монстров.

Девушка-мечник тут же перевела взгляд на Цинь Цзы Цзиня, а спустя каких-то три секунды ее лицо резко изменилось, и она завизжала:

— Цзы Цзинь, осторожно!

Цинь Цзы Цзинь резко обернулся и заметил, что невесть откуда взявшийся патрульный отряд уже подошел совсем близко.

Тан Янь-чжи еще не успел достать железный крюк-кошку, как стоявшая рядом с Цинь Цзы Цзинем девушка-механик дернула того за рукав, чудом увернувшись от выпавшего в лоб копья монстра.

Разобравшись с этой мелочью, Цинь Цзы Цзинь виновато опустил голову:

— Простите, это я проявил беспечность.

Девушка в розовом прикусила губу и с улыбкой отозвалась:

— Ничего страшного, ты же не со зла. Ведь так, Янь-чжи?

Услышав столь интимное обращение, Тан Янь-чжи слегка нахмурился и молча кивнул, ничего не отвечая.

Встретив горящий взгляд девушки в розовом, Цинь Цзы Цзинь почувствовал себя неуютно, но всё же выдавил из себя улыбку и представил спутницу:

— Это моя подруга, с которой мы познакомились в Долине мечей, ее зовут Лин Дань.

Тан Янь-чжи кивнул Лин Дань:

— Привет.

Лин Дань расцвела в улыбке:

— Привет, Янь-чжи! Еще пару дней назад я увидела твое имя в системных объявлениях и захотела познакомиться. А когда услышала от Цзы Цзиня, что вы друзья, даже хотела сама с тобой встретиться, да жаль, тебя не было в сети. Кстати, мы можем добавить друг друга в друзья?

Взгляд Тан Янь-чжи скользнул в сторону: Цинь Цзы Цзинь по-прежнему стоял с опущенной головой и отрешенным видом.

— Хорошо, — он отправил Лин Дань заявку в друзья.

Добавив его в контакты, Лин Дань больше не приставала с навязчивыми разговорами, а сразу бросилась с мечом на мобов. Ее движения были легкими и отточенными, без малейшей жеманности, и эта открытая, непринужденная манера держаться чем-то напоминала удалых девушек-воительниц из древних преданий.

Вскоре группа добралась до первого босса. Одним прыжком Тан Янь-чжи взмыл на балку, заставив остальных троих вытаращить глаза от изумления.

Выпустив стрелу «Ловля звезд», он быстро перетянул на себя аггро босса. Сам он оставался в безопасности, а вот Цинь Цзы Цзиню и остальным снизу пришлось туго. Стоило боссу применить массовую атаку, как шкала здоровья у всех троих замерцала красным. Девушка-механик сообразила накинуть на себя щит, а затем скастовала сильное исцеление на Цинь Цзы Цзиня и его спутницу, чудом вытащив их с гранью смерти.

Не прошло и пяти минут, как босс рухнул на землю. Тан Янь-чжи легко спрыгнул вниз и мягко

приземлился:

— Чего застыли? Живо лут собирайте, — бросил он группе.

Лин Дань восхищенно протянула:

— Янь-чжи, ты просто невероятен! Как можно было запрыгнуть на такую балку? Я бы и на метровую стену не забралась.

С этими словами она подалась ближе, захлопала ресницами и пропела сладким, мягким голоском:

— Если у тебя будет время, не научишь меня пользоваться легкими шагами?

Тан Янь-чжи мягко улыбнулся:

— Прошу прощения, в ближайшее время у меня, пожалуй, совсем не будет свободного времени.

Получив отказ, Лин Дань ничуть не смутилась и легко рассмеялась:

— Ничего страшного, как-нибудь в другой раз, когда освободишься.

Всю оставшуюся дорогу в ушах звенел лишь сладкий голос Лин Дань, но Тан Янь-чжи молча слушал ее, так и не выказав признаков раздражения. Ближе ко второму боссу в канале друзей снова замигало имя Гу И.

Тан Янь-чжи помедлил секунду, прежде чем открыть сообщение: легкий, невесомый поцелуй Гу И словно заронил в его сердце семечко, которое то и дело пробивалось наружу, надоедая хуже горькой редьки.

[Личный] Легенда: Янь-чжи, ты где?

[Личный] Тан Янь-чжи: В подземелье.

[Личный] Легенда: В каком? Почему меня не позвал?

[Личный] Тан Янь-чжи: Черная гора.

[Личный] Легенда: Жди, я лечу.

Быстро расправившись со вторым боссом, на третьем они столкнулись с небольшими трудностями: босс сорвался в бешенство с самого начала, и, кроме Тан Янь-чжи, остальные трое легли один за другим, так что довершать дело ему пришлось в одиночку.

Выйдя из подземелья, Цинь Цзы Цзинь не удержался и тихо спросил:

— Ты же говорил, что никогда не играл? Откуда тогда такие навыки?

— Наверное, у меня талант, — подумав, ответил Тан Янь-чжи.

Талант к играм? Цинь Цзы Цзинь умолк. Он отчетливо понял, что в Тан Яне кроется масса неведомых ему тайн: например, почему он ушел из семьи Тан, почему при первом же знакомстве с игрой играет лучше многих заядлых ветеранов, и почему без предупреждения исчез на несколько дней.

При одной мысли об этом на душе у Цинь Цзы Цзиня становилось тяжело и горько: возможно, Тан Янь никогда и не считал его другом, раз скрывал от него столько всего.

— К нам идет знакомый, кинь ему приглашение, — подал голос Тан Янь-чжи.

Цинь Цзы Цзинь заторможенно выдал «А?» и переспросил:

— Кого позвать?

— Меня, — лениво и вальяжно приближаясь, произнес Гу И.

Стоило Гу И войти в группу, как Цинь Цзы Цзинь тихо пробормотал:

— Фу... нет, иероглиф «Фу» пишется иначе.

Тут же вмешалась девушка-механик:

— Легенда.

Услышав это, Гу И окинул скуластое лицо молчаливой девушки одобрительным взглядом:

— А у тебя глаз алмаз.

Цинь Цзы Цзинь молча вошел в подземелье.

С объединенными силами Гу И и Тан Янь-чжи остальные трое прошли подземелье пассажирами. Гу И то и дело норовил подобраться к Тан Янь-чжи и перекинуться парами слов, одновременно бдительно отсекая всех, кто косился на Янь-чжи с недобрыми намерениями. При такой железной обороне даже Лин Дань не удавалось подступить к Тан Янь-чжи ближе чем на шаг.

Выбив остаток лимита прохождений, Лин Дань с улыбкой подбежала ближе:

— Янь-чжи, давай сходим в Лабиринт ста цветов?

Уголки губ Гу И изогнулись в холодной усмешке. Янь-чжи? Какая фамильярность!

Кто вообще разрешил ей так его называть?!

Гу И беззастенчиво осведомился:

— Ты еще кто такая?

Лин Дань прикусила нижнюю губу и обиженно посмотрела на Тан Янь-чжи.

Цинь Цзы Цзиню претила подобная манера поведения Гу И — какой же он мужчина, если обижает девушку? Помрачнев лицом, он процедил:

— Она моя подруга.

— А ты кто такой? — Гу И небрежно скосил на него глаза, и этот невесомый взгляд говорил о том, что соперника он ни в грош не ставит.

Цинь Цзы Цзинь покраснел от гнева:

— Я друг Тан Янь... то есть Янь-чжи, мы учились вместе в старшей школе.

Смысл в глазах Цинь Цзы Цзиня читался предельно ясно: ты всего лишь какой-то знакомый по игре, разве с тобой тягаться?

Гу И взбесился. Да кому нужны друзья из реала?! В конце концов Тан Янь-чжи будет принадлежать только ему, а все остальные могут катиться на все четыре стороны.

<http://bllate.org/book/19411/1900931>